

«Любовь до гроба – дураки оба»?

У обычных супругов найдётся достаточно общего, чтобы радовать друг друга пару лет. Но на третий... Люди полагают, что иначе и быть не может, и все предыдущие поколения просто были более терпимы. В других краях и в другие времена у людей были совсем другие представления. Взять хотя бы царя Соломона с его семью сотнями жён и тремя сотнями наложниц. У мусульманина, имеющего четырёх жён (как раз для партии в бридж), и у тибетской женщины, живущей с несколькими мужьями, вне сомнения, есть свои проблемы, характерные только для них. Вероятно, с их точки зрения есть даже что-то извращённое в поведении пары, которая добровольно выбрала такую форму сожителства. Возможно ли что-то более противоестественное? Двое людей безрассудно уединяются – без родственников, слуг, соседей, верблюдов, порой даже без козы! – Они непременно сведут друг друга с ума.

До недавнего времени институт брака поддерживался совместными усилиями церкви и государства, его цементировали общественные нормы и запреты, обычаи и предрассудки, ханжество и законность. С помощью всевозможных ухищрений поддерживалась видимость благопристойности, а расторжение брака грозило страшными лишениями.

В пору самых строгих ограничений сохранить брак было намного легче. Начать с того, что браки были сравнительно недолги. Но и жизнь тогда была короче. Слова «пока смерть не разлучит нас» в те времена воспринимались совсем иначе, нежели сегодня. Семейную пару довольно скоро разлучала смерть от голода, чумы, тяжёлых родов, пожара или вражеского меча. Супружескую верность приходилось хранить лет десять-пятнадцать, а потом оставшийся в живых заключал новый брак.

В качестве примера семейной жизни шестнадцатого века рассмотрим пятый акт «Гамлета». Прежде чем упадёт занавес, завершая эту довольно обыденную сцену, королева будет отравлена, Гамлет с Лаэртом заколют друг друга, причём Гамлет успеет ещё пырнуть короля. В предыдущей сцене состоялись похороны Офелии, а теперь мы узнаём о казни Розенкранца и Гильденстерна. В результате почти никого не остаётся в живых. Обращает на себя внимание столь высокая смертность даже в мирное время.

В Индии родители жениха и невесты обо всём договаривались через посредников, и молодые впервые встречались в день бракосочетания. На Западе такой обычай широкого распространения не получил, но и тут брак рассматривался как нечто большее, чем личное дело. Брачный союз заключался исходя из множества факторов, и чувства большой роли не играли. Церкви приходилось развенчивать любовные чувства, способные отвлечь от благочестивых помыслов. Ведь преклоняться перед возлюбленной – это своего рода идолопоклонство. Поэтому общественное мнение твёрдо склонялось в пользу браков по трезвому расчёту и категорически не одобряло легкомысленных любовных историй.

Но самое неподобающее поведение может, по крайней мере, послужить основой неплохого литературного сюжета – взять хотя бы французские романы или античные сказания. Романтическая история, облечённая в форму литературного произведения – это печатное свидетельство более или менее правдоподобных событий. Именитый герой отказывается от заранее спланированного брака, ссорится с отцом, окунается в приключения, влюбляется с первого взгляда и тут же женится; - и всё это из-за избытка прочитанных романов (уже тогда романы воспринимались как учебники жизни). Автор также предугадывает ещё один важный атрибут любовного романа: наличие прислуги. Весь романтический эффект был бы утрачен, если б героине пришлось самой мыть посуду.

В двадцатом веке литература в газетном изложении стала доступна даже неимущим... На место брака, освящённого церковью и государством, пришёл брак по любви. Считается, что любые жених и невеста безумно любят друг друга, и окружающие

бывают шокированы, если вдруг выясняется, что есть какие-то другие мотивы для вступления в брак. Более того, предполагается, что любовь, осеняющая брачную церемонию, будет длиться всю жизнь.

Ожидая так много от брака мы рискуем быть наказаны за чрезмерный оптимизм. Если мы воспитаны на соответствующей литературе, то убеждены, что начало всякому браку бывает положено в состоянии экстаза. Предложение следует делать на рассвете, стоя на горной вершине, либо под светом луны на палубе корабля... Однако поддерживать такой накал чувств на протяжении полувека весьма затруднительно.

Согласно теории всепобеждающей любви, герой должен с негодованием отвергнуть прозаическое допущение, что следовало бы посвататься к леди Доротее, или – в её современном воплощении – к директорской дочке. Вместо этого он объявляет о своей любви к Долорес – красавице цыганке, чьи преступные родители обитают на задворках блошиного рынка. Его родители и слышать об этом не хотят; брат взывает к здравому смыслу; начальник намекает, что такой брак не будет способствовать карьере... Весь мир – против него, но это и есть подходящий момент для проявления героизма. «Я люблю её», – просто объясняет он, и ведёт Долорес к венцу. Проходит семь лет, и, до смерти устав от Долорес, он влюбляется в Ольгу. Коллеги в ужасе при мысли о разводе, родня уже примирилась с Долорес (которая подарила ему пару близнецов), и все единодушно утверждают, что разбивать семью не только преступно, но и глупо. «Я люблю её», – снова твердит он, и вскоре женится снова. Идея всепобеждающей любви хороша для оправдания любого брака, но годится и для оправдания развода. Возникает вопрос: а можно ли вообще назвать супружеством столь непрочные отношения? Тут никак не избежать упоминания о Голливуде. Теория безупречной верности, вытекающая из финальных сцен кинофильмов, неизменно опровергается скандальными репортажами о жизни исполнителей.

Романтическая литература, музыка и т.д. стимулируют острую потребность в сексуальном самовыражении. В свою очередь, мораль осуждает внебрачный секс. Наконец, реклама настойчиво внушает, что ранний брак с финансовой точки зрения вполне реален, социально желателен и приносит только радость. Одним словом, это мудрый поступок. Торговцы мебелью и домашним скарбом предпочитают иметь дело с юными, неопытными и увлекающимися покупателями. Лучше всего идут дела у продавцов, обслуживающих растущую семью, с которой легко получить прибыль под видом продажи в кредит. Взаимосвязь морали и бизнеса – это не теория, а факт. Романтические идеи могут быть чересчур превознесены, и нам следует быть особенно осторожными, зная, что кто-то извлекает из этого прибыль.

Сирил Н. Паркинсон,
«Закон миссис Паркинсон»

*Лучше пулю в лоб, чем дуру в жёны.
Ремм Батлер*